

ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 года: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ДОСТИЖЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ПРОБЛЕМЫ¹

В статье анализируются основные тенденции и достижения современной историографии в изучении историко-антропологического измерения российской Революции 1917 года. Охарактеризованы наработки историографии 1990-х годов в исследовании общественного сознания, психологии, настроений различных групп и слоев российского общества в условиях Революции 1917 года. Показан качественный прирост знания по проблеме в 2000–2010-е годы, ознаменовавшийся освоением новейших теоретических концепций (опыта, тотальной войны, модернизации и др.), появлением фундаментальных монографий, активизацией региональных исследований, расширением источниковой базы работ.

К л ю ч е в ы е с л о в а: историография, российская Революция 1917 года, антропологическое измерение, междисциплинарность, психология, сознание, настроения, поведение.

В последней трети XX века под влиянием общей тенденции антропологизации исторического знания, осмысления «лингвистического», «интерпретативного» и других «поворотов» и интеллектуальных вызовов постструктурализма фокус исследовательского интереса в истории заметно сместился к изучению социокультурных и субъективных аспектов социально-исторических процессов [см.: 1; 2, с. 119–134]. На Западе эта тенденция стала проявляться уже в 1970-е годы, в России – с 1990-х годов, когда российская историческая наука освободилась от монополии марксистской методологии.

В отечественной историографии постсоветского периода именно в исследовании российских революций XX века, и в первую очередь Революции 1917 года, с наибольшей силой проявился ант-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

ропологический поворот, а их события и процессы стали рассматриваться сквозь призму человеческого измерения.

Важным этапом в осмыслении задач обновления методологических подходов к изучению истории русской Революции 1917 года стал доклад П. В. Волобуева и В. П. Булдакова на XVIII Международном конгрессе исторических наук 2 сентября 1995 года. В нем авторы поставили цель выявить наиболее перспективные подходы в исследовании революций 1917 года и одновременно осуществить попытку создания одной из возможных «моделей» революций, способной стимулировать деятельность историков самых различных направлений [см.: 3, с. 29]. В частности, авторы предложили психосоциальную интерпретацию революций 1917 года на основе междисциплинарного синтеза [см.: Там же, с. 31].

На основе интеграции усилий отечественных и зарубежных исследователей началась разработка перспективного направления «Человек и революция в XX веке», способствовавшего кардинальному переосмыслению истории русской революции. В 1990-е годы в России вышли в свет не только статьи, но и монографии, в которых социальные процессы в революционной России рассматривались сквозь призму «человеческого измерения» [см.: 4; 5; 6; 7; 8]. Авторы уделили значительное внимание анализу факторов модернизации и обстоятельств революционного кризиса, оказавших определяющее влияние на изменение облика и поведения основных слоев российского общества, были предприняты усилия по исследованию различных аспектов психологии масс в революционную эпоху.

С середины 1990-х годов ведущее место в западной историографии в рамках антропологического поворота стала занимать тема насилия, его проявлений в мирное и военное время, в условиях кризисов и революционных потрясений. Данный тренд проявился и в трудах отечественных авторов. Так, В. П. Булдаков в монографии «Красная Смута» исследовал природу и последствия революционного насилия в условиях революций 1917 г. в России [8]. Появление монографии вызвало научную дискуссию, в ходе которой высказывались неоднозначные суждения о принципиальной допустимости и пределах использования историком понятийного аппа-

рата, выводов и методов аналитической психологии и других смежных гуманитарных дисциплин. Наряду с констатацией «прорывов» по целому ряду направлений научного поиска, достигнутых благодаря применению автором исторического синтеза, были отмечены методологические и источниковедческие резервы в освещении поставленной проблемы [см.: 9, с. 139–168]. Тема насилия в условиях революции в ее этно-конфессиональном воплощении получила продолжение в новейшей монографии В. П. Булдакова [см.: 10].

Исследователи обратились в 1990-е годы к изучению массового сознания революционного времени, рассматривая на основе исторических источников такие его аспекты, как восприятие власти и ее институтов, идей социализма, отношение к текущим политическим событиям, политическим партиям и революционным вождям, антибуржуазный компонент общественного сознания, феномен революционной жертвенности и т. д. [см.: 11, с. 76–97; 12, с. 176–187; 13, с. 188–201; 14; 15, с. 37–47; 16, с. 109–118; 17, с. 80–93; 18, с. 411–433]. Результаты и выводы данных исследований стали важным этапом на пути изучения специфики преломления в массовом сознании основных идей революции, политической пропаганды революционных партий, текущих событий, помогая тем самым выявить установки и стереотипы восприятия, важнейшие ценностные ориентации массовых слоев и отдельных групп населения.

В центре внимания в рамках данной проблематики оказались массовые слои российского общества: крестьяне и рабочие. Приоритет рассмотрения крестьянства как единого целого, действовавшего в период революции через сельскую общину, сопротивляясь интересам внешних социальных сил, принадлежит западным исследователям [см.: 19, с. 231]. В отечественной историографии тезис об общинном характере аграрной революции в России начала XX века впервые на базе обширного источникового материала Поволжья обосновали В. М. Бухараев и Д. И. Люкшин [см.: 20, с. 154–160; 21, с. 115–141].

По мнению этих авторов, основанием аграрного движения было такое усиление эксплуатации общины, которое затрудняло возможность выживания семейного хозяйства, а побудительным мотивом действий в период революции – ослабление репрессивного воздей-

ствия со стороны государства [см.: 20, с. 156]. Соглашаясь с оценками крестьянского движения рассматриваемого периода как общинной революции, А. А. Куреньшев настаивал на том, что в центре конфликта был вопрос не о земле и отношениях с помещиком, а о взаимоотношениях с городом, эквивалентном обмену продукции сельского хозяйства на промышленные товары [см.: 22, с. 153]. В. М. Лавров рассматривал крестьянство как самостоятельный субъект революции 1917 г., руководствовавшийся в своем поведении общинно-«большевистской» логикой [см.: 23, с. 30–36]. В период российской революции, когда крестьянство боролось за реализацию общинных идеалов уравнительной справедливости, в его сознании и поведении, как подчеркивали Л. В. Данилова и В. П. Данилов, наиболее ярко проявился общинный архетип [см.: 24, с. 22–39].

Характер трансформации политического сознания и поведения рабочих и городских слоев населения в условиях Революции 1917 года и первых лет советской власти исследовал С. В. Яров, опубликовавший на эту тему ряд статей и монографий [см.: 25, с. 120–123; 26; 27; 28]. Он показал, как индоктринация повседневной жизни и быта, включенность в массовые ритуальные формы политической поддержки большевистской власти, тотальная политизация отношений с внешним миром, своеобразное языковое «рабство» (подчиненность большевизированному политическому языку) постепенно меняли мировоззренческую самоидентификацию рабочих. С. В. Яров учитывал, что сознание рабочих трансформировалось не только под влиянием извне, но и изнутри, отражало актуализацию традиционных поведенческих установок, использовавшихся властями для стимулирования механизмов «низовой» поддержки создававшегося политического режима [см.: 25, с. 122–123; 26, с. 15–22; 27, с. 63–95].

Развивая традицию петербургской (ленинградской) школы историков, в частности Г. Л. Соболева, показавшего в своих трудах широкую палитру представлений рабочих в период Революции 1917 года [см.: 29, с. 159–173; 30], С. В. Яров проявил новаторский подход к изучению политического сознания рабочих Петрограда в условиях Революции 1917 года. Выявляя историко-культурные предпосылки большевизации масс, С. В. Яров отмечал, что это «яв-

ление очень сложное, оно не всегда означало сознательное усвоение коммунистических лозунгов. Это скорее даже элемент общего социального поведения, во многом определяемого и конформистскими стереотипами. Тут сказались и традиции идеологизации русского общества, делавшие зачастую понятное, “правильное” слово более весомым аргументом, чем “правильное” дело» [31, с. 222].

Важное значение для осмысления и исследования процессов российской Революции 1917 года в компаративном ключе, с учетом роли исторических акторов имеют труды П. Холквиста [см.: 32] и Д. Санборна [см.: 33]. В них период 1914–1920 годов рассматривается как время единого европейского военно-революционного кризиса, а Революция 1917 года в России – как часть этого кризиса, а также более длительных, имевших общую логику политических процессов первой четверти XX века. Так, Холквист отмечает, что с точки зрения социальных институтов, революция и гражданская война были всего лишь финальной стадией длительного кризиса, начатого в 1914 г. При этом целый ряд социальных процессов, происходивших в течение этих семи кризисных лет, должны, по его мнению, рассматриваться в контексте еще более длительных социальных изменений, что определяет необходимость выявления элементов преемственности при рассмотрении социальной и демографической структуры российского общества в дореволюционный и постреволюционный периоды. Важным для понимания опыта революции стал анализ Холквистом и Санборном политических и культурных практик ее многоплановых исторических акторов.

Концепция опыта является весьма перспективной в изучении процессов российского военно-революционного кризиса 1914–1921 годов. Челябинская группа историков под руководством И. В. Нарского так определяет ее методологическое значение: «опыт исторических “акторов” доступен исследовательской рефлексии благодаря его отражению в восприятии и поведении. При этом опыт не только отражается в интерпретационных и поведенческих практиках, но и конструирует их, являясь, таким образом, историческим фактом и фактором особой важности. Опыт понимается не как результат, а как непрерывный процесс конструирования и обработки действи-

тельности, как инструмент поддержания и преобразования реальности через ее восприятие, истолкование индивидом и коллективом и обусловленное этим индивидуальное и групповое поведение» [34, с. 7].

Переход от истории событий к истории опыта и «маленького человека» является характерной чертой современной историографии войн [см.: 35, с. 18]. Поскольку российская Революция 1917 года произошла в условиях мировой войны, военный опыт комбатантов и населения тыла оказал очевидное влияние на ее возникновение и протекание.

Целый ряд исследований посвящен анализу психологии и поведения солдат русской армии в период Революции 1917 года, таких их проявлений, как братания, дезертирство, насилия и т. д. [см.: 36, с. 282–290; 37, с. 268–281; 38; 39]. Особенно следует отметить работы А. Б. Асташова, основанные на привлечении обширного и разнообразного круга источников, в том числе значительного массива солдатских писем. С историко-антропологических позиций исследуется поведение в условиях Революции 1917 года не только солдат, но и офицеров русской армии [см.: 40; 41; 42]. Сегодня достигнут определенный консенсус в понимании решающей роли мировой войны в происхождении Революции 1917 года [см.: 43].

Концепция опыта используется при реконструкции повседневности Революции 1917 года. Так, И. В. Нарский исследует стратегии выживания населения Урала в период революции и гражданской войны в условиях гуманитарной катастрофы, показывает психологические механизмы, мотивы, формы и техники адаптации к экстремальным условиям, реакцию людей на события 1917–1922 годов, их восприятие, переживание и осмысление [44]. Автор обращает внимание на фактор архаизации общественных и, в частности, властных отношений в периоды глубоких социальных кризисов, гражданских войн, актуализирующих архаические модели социальности и пласты человеческого сознания [см.: Там же, с. 42].

Элементом изучения опыта эпохи военно-революционного кризиса 1914–1922 годов является исследование опыта российского и зарубежного плена, позволяющее выявить различные аспекты влияния плена, а также событий российской Революции 1917 года на сознание и поведение военнопленных [см.: 45; 46].

Значимую роль в исследовании социальных и культурных процессов периода мировой войны и революции играет концепция тотальной войны [см.: 47, с. 14], позволяющая изучить опыт национальных мобилизаций. Исследователи обращают внимание на важность учета развития в России в начале XX века в процессе буржуазной модернизации влиятельных средств массовой информации, что было одним из проявлений становления «массового общества», перехода к методам массовой политики и пропаганды. Особенно большое значение в этом отношении имел опыт Первой мировой войны. «Тотальная война, – отмечает П. Холквист, – была самым тесным образом связана с развитием современной политики управления массами», переходом от управления территориями к управлению населением [см.: 48, с. 84].

В 2000–2010-е годы продолжилось начатое в 1990-е годы изучение общественных настроений, психологии, поведения, социальных практик различных групп и слоев российского общества в условиях мировой войны и революции, осуществляемое в междисциплинарном ключе на региональном и общероссийском материале [см.: 49, с. 11–21; 50, с. 121–140; 51, с. 141–154; 52]. В целом в 2000–2010-е годы произошел качественный прирост знания по проблеме «Человек в революции», ознаменовавшийся освоением исследователями плодотворных теоретических концепций (опыта, тотальной войны, модернизации и др.), появлением фундаментальных монографий, расширением источниковой базы работ за счет вовлечения в научный оборот новых материалов центральных и, в первую очередь, региональных архивов. Осуществлялась активная разработка данных проблем на региональном уровне, позволившая обосновать или скорректировать ряд значимых положений и выводов, более аргументированно делать обобщения странового характера. Так, современный исследователь массовых настроений в провинции в годы Первой мировой войны О. А. Сухова, выходя на обобщения, касающиеся предпосылок революции, заключает: «Характер войны, ее символы и знаковые образы во многом не поддавались расшифровке в рамках традиционной картины мира российского крестьянства, что предопределило колоссальные подвижки лежащих в бессознательном поле сил, стало фактором крушения идей

государственности, правопорядка, а следовательно, активизации глубинных пластов архаичной (первобытной) культуры» [51, с. 121].

Продуктивным направлением современных исследований Революции 1917 года является изучение ее политической культуры с позиций «новой политической истории». В частности, активно используется «культурно-символический подход», позволяющий оценить роль символов, образов, слухов в политической борьбе и массовой культуре революционной эпохи. Данная проблематика разрабатывается в трудах Б. И. Колоницкого, О. Файджеса и других отечественных и зарубежных авторов [см.: 53; 54; 55; 56; 57]. Как справедливо отмечает Б. И. Колоницкий, изучение политических культур особенно важно для историков революций: в нестабильные периоды политические институты порой почти растворяются в политической культуре и в то же время создаются условия для «застывания», «кристаллизации» политических культур, создания на их основе новых политических институтов [см.: 58, с. 6–7]. В этих условиях происходит поиск новых форм социальных связей, обеспечения социального единства на иной основе, что обуславливает тягу сознания к семиотичности, возрастание роли политических символов [см.: Там же].

Ценности, психологические установки большевиков как важнейших акторов политического процесса 1917 года исследует А. Н. Медушевский. Он реконструирует динамику большевизма с позиций внутренней мотивации поведения его адептов по таким параметрам, как ценности, психологические установки, цели, средства их достижения. Автор, в частности, исследует функции террора как инструмента социального конструирования. Он показывает, что они состояли, «во-первых, в подавлении воли общества к сопротивлению; во-вторых, в создании особых табуизированных зон идеологического контроля, связанных со стремлением очертить символическое пространство вокруг новой власти почти в буквальном смысле полинезийского слова “табу”, означающего священный, неприкосновенный характер сакральных объектов и обычаев, предназначенных для религиозных церемоний и запрещенных для профанированного повседневного использования; в-третьих, в фиксации определенных идеологических стереотипов путем доведения их

до жестких, автоматически применяемых категорий; в-четвертых, в стимулировании мобилизационного импульса “образа врага” (в виде контрреволюционных элементов); в-пятых, консолидации самой большевистской элиты, спаянной кровавой коллективной порукой. В целом террор являлся воплощением “грубой силы” (как противоположности современной научной эвристики) – такой методики решения задач, которая применяется, когда все возможные варианты теоретически уже испробованы или все возможные пути решения проверены и отвергнуты» [59, с. 124].

Другими междисциплинарными направлениями, позволяющими исследовать «человеческое измерение» революционных процессов 1917 года, являются интеллектуальная история и историческая имагология. Они дают возможность изучить идеи, мифы, образ революции и ее акторов в сознании участников, современников и иностранных очевидцев этих эпохальных событий. Одним из активно развивающихся направлений является исследование взаимовосприятия и взаимодействия представителей западной и российской культур в условиях Революции 1917 года [см.: 60; 61; 62; 63; 64; и др.].

Для изучения революционных процессов 1917 года в России с учетом их цивилизационных и социокультурных особенностей используется теория модернизации. Модернизационные процессы проявлялись в России своеобразно, имели особую почву [см.: 65, с. 38]. Общие отличительные черты российской цивилизации авторы монографии «Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект» обозначают как «длительность крепостничества, неукорененность капитализма, социалистические тенденции» [Там же, с. 71]. «Проблема в том», – отмечают авторы монографии, – что «настоящее и будущее институционально связаны с прошлым. Вчерашний выбор создает т. н. “эффект колеи”, обеспечивая принципиальную преемственность исторического процесса» [Там же, с. 96]. Этот тезис актуален с точки зрения рассматриваемой проблематики. Нельзя недооценивать степень преемственности имперской и советской политических систем, несмотря на факторы «разрыва постепенности» в общественном развитии, запущенные в действие в ходе Революции 1917 года. Дореволюционные порядки, черты обществен-

но-политической жизни и поведенческие стереотипы возрождались в условиях советского строя в новом институциональном, идеологическом и социокультурном обличье, что было отражением действия структурных основ цивилизационного развития страны.

Причины, динамика российских революций, в том числе Революции 1917 года, трактуются исследователями с учетом характера, противоречий и особенностей российской модернизации, в контексте мировых модернизационных процессов. В то же время среди историков – сторонников модернизационной парадигмы – нет единства. Их, по оценке Б. Н. Миронова, можно условно разделить на «оптимистов» и «пессимистов». Первые считают, что в позднимперский период в развитии страны преобладали положительные тенденции, которые при более удачном стечении обстоятельств позволили бы избежать революции, а вторые настаивают на несправимости самодержавия и на тотальном системном характере кризиса, с неизбежностью закончившегося революциями [см.: 66, с. 14]. Характеризуя причины революции с точки зрения модернизационного анализа, Б. Н. Миронов пишет: «Модернизация требует больших издержек и даже жертв, что ведет к лишениям и испытаниям для отдельных сегментов населения и не приносит равномерного благополучия сразу и всем. Процесс не всегда устойчив, чреват сбоями и откатами назад. В ходе модернизации возникает дисгармония между культурными, политическими и экономическими ценностями и приоритетами, разделяемыми различными социальными группами. Общество, находящееся в процессе трансформации от традиционализма к современности, является хрупкой структурой вследствие болезненности перестройки и роста напряженности и конфликтности» [Там же, с. 63–64]. Успехи и прогресс не исключают революции. Революция произошла не потому, что страна очутилась в состоянии перманентного кризиса, а потому, что общество не справилось с процессом модернизации [см.: Там же, с. 227].

Близкую точку зрения высказывает Л. И. Бородин, который обосновывает возможность использования теории синергетики для изучения революций как переходных состояний в развитии социума, когда происходит нарастание противоречий и социального хаоса. Концепция синергетики позволяет, по мнению автора, иссле-

довать альтернативы исторического развития в «точке бифуркации», т. е. на фазе «разрыва», возникающей в условиях революции [см.: 67, с. 205], а также роль субъективных и случайных факторов в динамике революций. Поэтому данная теория, как отмечает автор, может использоваться для изучения «человеческого измерения» революции [см.: 68, с. 22–30].

Актуальность дальнейшего исследования антропологической «перспективы» Революции 1917 года подтверждается выходом в свет в последние годы сборников документов личного происхождения, «эго-документов» [см.: 69; 70]. На их основе можно исследовать широкий спектр проблем политической, социальной, культурной истории российской революции, конкретизировать и углубить наши представления о феномене Революции 1917 года, роли в ней «маленького человека». По-прежнему недостаточно исследованными являются проблемы повседневного функционирования власти, ее агентов и институтов; изучение каналов, форм взаимоотношений власти и общества, поведенческих практик населения; индивидуального восприятия событий, представлений, настроений, судеб их непосредственных участников, механизмов трансформации мифологии революции в новую политическую легитимность – всего того, что можно обобщенно обозначить как «человеческое измерение» революции.

1. *Berkhofer R. F.* Beyond the Great Story. History as Text and Discourse. Cambridge ; London, 1995.

2. *Ретина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX – XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М., 2011.

3. *Волобуев П. В., Булдаков В. П.* Октябрьская революция: новые подходы к изучению // *Вопр. истории.* 1996. № 5–6. С. 28–38.

4. *Анатомия революции.* 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994.

5. *Революция и человек: Социально-психологический аспект.* М., 1996.

6. *Менталитет и политическое развитие России.* М., 1996.

7. *Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль.* М., 1997.

8. *Булдаков В. П.* Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

9. «Красная смута» на круглом столе // *Отеч. история.* 1998. № 4. С. 139–168.

10. *Булдаков В. П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010.

11. *Розенберг У. Г.* Создание нового государства в 1917 г.: представления и действительность // *Анатомия революции. 1917 год в России.* СПб., 1994. С. 76–97.

12. *Абросимова Т. А.* Социалистическая идея в массовом сознании 1917 г. // *Анатомия революции. 1917 год в России.* С. 176–187.

13. *Колоницкий Б. И.* Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // *Анатомия революции. 1917 год в России.* С. 188–201.

14. *Герасименко Г.* Народ и власть (1917 год). М., 1995.

15. *Злоказов Г.* Солдатские письма с фронта в канун Октября // *Свободная мысль.* 1996. № 10. С. 37–47.

16. *Колоницкий Б. И.* «Демократия» как идентификация: к изучению политического сознания Февральской революции // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 109–118.

17. *Земцов Б.* Ментальность масс в канун «великих потрясений» // *Свободная мысль.* 1997. № 11. С. 80–93.

18. *Тяжелыникова В. С.* «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» (Генезис и эволюция революционной жертвенности коммунистов) // *Социальная история : ежегодник, 1998/99.* М., 1999. С. 411–433.

19. *Файджес О.* Крестьянские массы и их участие в политических процессах 1917–1918 гг. // *Анатомия революции. 1917 год в России.* С. 230–237.

20. *Бухараев В. М., Люкшин Д. И.* Российская Смута начала XX в. как общинная революция // *Историческая наука в меняющемся мире.* Вып. 2: *Историография отечественной истории.* Казань, 1994. С. 154–160.

21. *Люкшин Д. И.* 1917 год в деревне: общинная революция? // *Революция и человек. Социально-психологический аспект.* М., 1996. С. 115–141.

22. *Куреньшев А. А.* Крестьянство России в период войны и революции 1917–1920 гг. (историографические аспекты) // *Вопр. истории.* 1999. № 4–5.

23. *Лавров В. М.* «Крестьянский парламент» России (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917–1918 годах.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997.

24. *Данилова Л. В., Данилов В. П.* Крестьянская ментальность и община // *Менталитет и аграрное развитие России.* М., 1996. С. 22–39.

25. *Яров С. В.* Политическое мышление рабочих в 1917–1923 годах: элементы трансформации // *Менталитет и политическое развитие России.* М., 1996. С. 120–123.

26. *Яров С. В.* Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999.

27. *Яров С. В.* Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб., 1999.

28. *Яров С. В.* Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х гг. СПб., 2006.

29. *Соболев Г. Л.* Письма в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов как источник для изучения общественной психологии в России в 1917 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Т. 1. С. 159–173.

30. *Соболев Г. Л.* Пролетарский авангард в 1917 году: Революционная борьба и революционное сознание рабочих Петрограда. СПб., 1993.

31. *Петроград* на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000.

32. *Holquist P.* Making War, Forging Revolution. Russia's continuum of crisis, 1914–1921. Cambridge, Mass. ; London, 2002.

33. *Sanborn J.* Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. Dekalb, 2003.

34. *Нарский И., Нагорная О., Никонова О., Ровный Б., Хмелевская Ю.* Предисловие // Опыт мировых войн в истории России : сб. ст. / [редкол.: И. В. Нарский и др.]. Челябинск, 2007.

35. *Нагорная О., Нарский И.* Проигранная война, поиск виновников и тень нацизма: Первая мировая война в немецкой историографии // Рос. история. 2014. № 5. С. 13–26.

36. *Базанов С. Н.* Разложение русской армии в 1917 году (К вопросу об эволюции понимания легитимности Временного правительства в сознании солдат) // Военно-историческая антропология : ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 282–290.

37. *Асташов А. Б.* Война как культурный шок: анализ психопатологического состояния русской армии в Первую мировую войну // Военно-историческая антропология : ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 268–281.

38. *Асташов А. Б.* Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отеч. история. 2003. № 2. С. 72–86.

39. *Асташов А. Б.* Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014.

40. *Назаренко К. Б.* Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М., 2011.

41. *Кожевин В. Л.* Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. Омск, 2011.

42. *Павленко А. П.* Офицеры Черноморского флота России в революции 1917 г. и начале Гражданской войны (март 1917 г. – апрель 1918 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2015.

43. *Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г.* Война, породившая революцию. М., 2015.

44. *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

45. *Нагорная О. С.* «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010.

46. *Суржикова Н. В.* Военный плен в российской провинции, 1914–1922. М., 2014.

47. *Ферстер С.* Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 гг. // Опыт мировых войн в истории России : сб. ст. Челябинск, 2007. С. 12–27.

48. *Холквист П.* Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 83–101.

49. *Булдаков В. П.* Россия, 1914–1918: война, эмоции, революция // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918. М., 2014. С. 11–21.

50. *Семенова Е. Ю.* Мироззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 г.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара, 2012.

51. *Сухова О. А.* Первая мировая война как вызов русской ментальности: массовые настроения в провинции в 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения : сб. ст. / отв. ред. Ю. А. Петрова. М., 2014. С. 121–140.

52. *Сидоренко Н. С.* Эволюция политической атмосферы провинциального общества в условиях Первой мировой войны (на примере губерний Урала) // Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения : сб. ст. / отв. ред. Ю. А. Петрова. М., 2014. С. 141–154.

53. *Kolonizkii B., Faidges O.* Interpreting the Russian Revolution: the Language and Symbols of 1917. London, 1999.

54. *Колоницкий Б. И.* Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001.

55. *Антропология революции* : сб. ст. / сост. и ред. И. Прохорова, А. Дмитриев, И. Кукулин, М. Майофис. М., 2009.

56. *Колоницкий Б. И.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

57. *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2012.

58. *Колоницкий Б. И.* Политические символы и борьба за власть в 1917 году: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2002.

59. *Медушевский А. Н.* Феномен большевизма: логика революционного экстремизма с позиций когнитивной истории // *Общественные науки и современность*. 2013. № 5. С. 114–126.

60. *Россия и Европа в XIX–XX вв.* Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур: сб. науч. тр. М., 1996.

61. *Листиков С. В.* Восприятие русских революций 1917 г. в США: модели и образы // *Отеч. история*. 1997. № 1. С. 63–77.

62. *Norman E. Saul.* War and Revolution. The United States and Russia, 1914–1921. Lawrence, 2001.

63. *Колоницкий Б. И.* Занимательная англофобия: Образы «Коварного Альбиона» в годы Первой мировой войны // *Нов. лит. обозрение*. 2000. № 41. С. 69–87.

64. *Голубев А. В., Поршнев О. С.* Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012.

65. *Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект* / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, Е. Т. Артемов и др.; Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2011.

66. *Миронов Б. Н.* Страсти по революции: нравы в российской историографии в век информации. М., 2014.

67. *Бородкин Л. И.* Общее и особенное в процессах модернизации России в XIX – XX веках: методол. аспекты // *Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века* / отв. ред. акад. РАН А. О. Чубарьян. М., 2015.

68. *Бородкин Л. И.* Историческая синергетика: антропологический аспект // *Ежегодник историко-антропологических исследований*. 2001/2002. М., 2002. С. 22–30.

69. *Письма во власть в эпоху революции и Гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.): сб. документов* / сост. В. И. Шишкин. 2-е изд., расшир. и доп. Новосибирск, 2015.

70. *Россия 1917 года в эго-документах: воспоминания* / авт.-сост. Н. В. Суржикова, М. И. Вебер и др.; науч. ред. Н. В. Суржикова; Институт истории и археологии УрО РАН. М., 2016.